

Ольга Игони́на

БЫВШИЙ
НАЧНЁМ СНАЧАЛА

Ольга Игони́на

БЫВШИЙ. Начнем сначала

«Автор»

2026

Игонина О.

Бывший. Начнем сначала / О. Игонина — «Автор», 2026

- За ребенком надо лучше смотреть! А если б я не успел притормозить? - раздраженно кричит. - Курица! Из машины, которая только чуть не сбила мою дочь, выходит суровый мужчина. Он громко хлопает дверцей и направляется ко мне. Его злость я чувствую на расстоянии. Что? Это Женька? Моя первая любовь! Мой первый мужчина! Теперь он известный юрист Евгений Игоревич Алышев. Он приближается ко мне лавиной гнева. - Простите, - бурчу и еще сильнее прижимаю к себе дочь. Нашу Полину. Он о ней не знает. И я сделаю все, чтобы никогда и не узнал! Я так и не смогла простить ему боль, которая разорвала мне сердце!

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	12
6	14
7	16
8	18
9	20
10	22
11	24
12	26
13	28
14	30
15	32
16	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

БЫВШИЙ. Начнем сначала

1

— Полина, пойдём! Дома распакуешь набор! — Я тяну дочку за резинку, к которой пристёгнуты варежки.

— Не хочу дома! Я только зеркальце достану. Смотри, какое оно красивое. Я буду хорошо его держать.

Сколько раз я зарекалась ходить с дочкой в торговый центр за подарками — хотя бы до тех пор, пока она не подрастёт. Толпы людей быстро её утомляют, и из послушного ребёнка она превращается в орущего монстра.

— Мам! — Польша топаёт ногами. — Ну только зеркальце!

Мы останавливаемся на тротуаре рядом с торговым центром и распаковываем эту чёртову коробку. Набор «Принцесса» с чудесным зеркальцем внутри. Руки замёрзли, и упаковать всё обратно никак не получается.

— Мам, смотри, там Снегурочка! — радостно кричит дочка.

Я не успеваю понять, где Снегурочка. Польша выбегает на дорогу. Визг тормозов — и в последнюю секунду я успеваю выдернуть дочку из-под колёс!

Водитель едва успевает среагировать.

— Ребёнка чуть не задавили! — кричит женщина с тележкой. — Гоняют тут на всей скорости! А вы, мамаша, чего стоите? Дитя надо на привязи держать!

— Полина, — я прижимаю дочку к себе. — Никогда так больше не делай! А если бы тебя сбила машина?!

Меня трясёт, на глазах выступают слёзы. Я стараюсь успокоиться, чтобы не напугать дочь, но воображение уже рисует страшные картины.

Польша оттопыривает губу, по щекам катятся слёзы.

— Я выронила зеркальце. А машина по нему проехала, — говорит она и разражается плачем.

— За ребёнком надо лучше смотреть! А если бы я не успел затормозить? — раздражённо кричит водитель. — Курица!

Из чёрной машины, которая чуть не сбила Полинку, выходит высокий мужчина. Тяжёлым шагом он направляется к нам, ругая меня на чём свет стоит.

— У вас что, дети запасные есть? — Он подходит слишком близко.

Знакомый аромат мужского одеколона возвращает меня в прошлое. В то прошлое, которое так сильно меня изменило: заставило бросить университет и уехать из города. Я так долго старалась забыть его, как страшный сон.

Поднимаю глаза... Не может быть. Полинку едва не сбил известный в городе адвокат. Моя бывшая любовь. Мой первый мужчина. Отец моей дочери.

— Вы бы за ребёнком получше смотрели! Хорошо, что я успел затормозить, а то страшно подумать, что было бы. Девочка цела?

В его голосе — упрёк и недовольство.

— Зеркальце разбилось, — плачет Польша, уткнувшись мне в воротник.

Разбитое зеркало — плохая примета. Хотя куда уж хуже.

— Простите, — бормочу я и стараюсь спрятаться за дочкой. — Полина очень шустрая, я не успела среагировать.

— Там моё зеркальце, — Польша отстраняется от меня и показывает на дорогу.

Мне приходится встать.

— Яна? — Лицо Алышева меняется, будто он увидел призрака. Он хватается меня за рукав.
— Богатырёва? Вот так сюрприз!

— Да, мою маму зовут Яна. А я Полина, — с интересом наблюдает за нами дочка.

Наш разговор прерывает автомобильный гудок. За чёрной машиной Алышева выстроилась очередь из желающих выехать с парковки.

— Ты куда пропала? Я тебя искал. Из соцсетей удалилась, номер сменила. Я даже в деканате твой адрес узнавал. Мы тогда с Лёшкой приехали, а твоя мама сказала, что ты выскочила замуж и переехала... Вижу, семейная жизнь у тебя сложилась, — он кивает на дочь. — Подожди! Я сейчас перепаркуюсь!

Я хлопаю ресницами. Зачем ждать? Он не помнит, что произошло? Не понимает, что его поступок невозможно простить даже спустя много лет?

Евгений направляется к машине, а я хватаю Полину за руку, и мы ускоряем шаг. Нужно смешаться с толпой. Спрятаться. Сделать вид, что нас не существует! Я готова снова бросить всё, сменить город, страну, планету — лишь бы Алышев нас не нашёл. Он не знает о дочери. И я сделаю всё, чтобы никогда не узнал.

Я так и не смогла простить ему боль, разорвавшую мне сердце!

2

Подбегаем к подъезду. Оглядываюсь: не дай бог, он идёт за нами. Дрожащими пальцами набираю код домофона: три-семь-два.

— Открывай скорее!

На домофоне загорается зелёная кнопка. Заталкиваю ольку в подъезд, ещё раз смотрю по сторонам, захожу следом и быстро закрываю дверь.

— Яна, у тебя такой вид, будто ты сейчас привидение увидела, — Танька встречает нас у двери. — Малыш, а ты чего плачешь?

— Я зеркальце уронила, потом чуть под машину не попала. А мама встретила знакомого дядю, — Полина снова погружается в грусть, пока я развязываю ей шарф и снимаю шапку.

— Ярик, смотри, кто пришёл! Полиша! — зовёт сына Танька. Потом показывает мне глазами на кухню и теребит передник. — Кого вы там встретили? Или ты из-за Полинки?

Выбегает Ярик, сын Таньки, а за ним из зала вываливаются ещё два мальчишки. Под крики и смех они подхватывают Полину и снова исчезают в комнате.

— Ну, что случилось? — Танька ставит чайник на плиту. — Тебе суп погреть?

— Знаешь, как в анекдоте: какова вероятность встретить динозавра в городе? — Я сажусь на стул и всё ещё боюсь дышать.

— Яна, ну не томи. Я знаю ответ на эту несмешную шутку. Кого увидела?

— Алышева, — выдыхаю почти беззвучно, одними губами. Боюсь даже фамилию про-износить. Ком в горле — будто и не прошло столько лет.

— Охренеть, — Танька опирается на стол, словно теряет ориентир. Потом приходит в себя, подходит к холодильнику и достаёт какие-то тарелки. — И как?

— Жив, здоров, отлично выглядит. Я иногда заглядываю в его соцсети. Врага нужно знать в лицо, вот и слежу, чтобы это лицо не вылетело из памяти. — Руки у меня до сих пор дрожат. — Надеюсь, он сегодня же забудет, что я когда-то была в его жизни и что сегодня случайно снова появилась.

— Узнал? — Танька прикрывает рот рукой, будто сказала что-то страшное.

— Меня — да. Это к нему под колёса наша дочь едва не угодила. Если бы мы постояли ещё несколько минут, думаю, он бы что-нибудь заподозрил насчёт Полинки.

— Да как тут не понять? Они же одно лицо. От тебя у неё вообще ничего нет.

— Фамилия у неё моя. Сказал, что искал меня, даже домой, в деревню, приезжал. Говорит, мама сказала, что я уже замужем. Хотя что она должна была сказать? Что я ребёнка от него в подоле принесла и опозорила всю семью? Я столько раз представляла, что мы когда-нибудь встретимся. Я ещё молодая, красивая, успешная. Рядом со мной хороший мужчина, а Полишка называет его папой. А Алышев обязательно должен быть нищим алкоголиком. Но, видишь, не всё в жизни так, как мы себе представляем. Это я — почти никто, и зовут меня никак. Училка истории, окончившая заочное отделение. Без крыши над головой, без каких-либо гарантий, с разбитым сердцем за спиной. А он — Алышев Евгений Игоревич. Юрист. Судя по машине, живёт очень обеспеченно.

— Да он и тогда с хлеба на воду не перебивался, — Танька ставит передо мной тарелку с бутербродами и чашку чая. — Ян, ты только не кипятись, ладно? Может, рассказать ему про дочку? Пусть хоть деньгами помогает. И тебе полегче будет.

Кажется, у меня даже глаза становятся больше от удивления. Как подруга, которая знает, как сильно я ненавижу этого человека, могла такое предложить?

— Ты в своём уме? Полина — только моя дочь. Я сама её вырастила, — усмехаюсь я.

— И что теперь будет?

Пожимаю плечами.

— Ничего. Я не дам им общаться. Слишком много воды утекло. И, знаешь, вся она мутная.

3

Пять лет до...

— Янка, ты на посвящение первокурсников поедешь? — кричит ещё из коридора Танька Фролова, моя соседка по комнате.

— Неа, римское право зубрить буду. Ничего не понимаю, не запоминается, и всё тут. Если завалю, стипендии мне не видать. Тогда придётся разучивать песню: «У Курского вокзала стою я молодой...» — затягиваю во весь голос. Это наша студенческая песня на случай, когда до степухи ещё неделя, а в кошельке — дыра.

— Ты и не выучишь? Не придумывай, у тебя голова стоумовая.

Про эту стоумовую голову я слышу чуть ли не каждый день. Сначала в школе, теперь в институте. Только я не из тех, кто быстро усваивает материал. Учёба даётся мне нелегко: нужно долго и основательно заниматься, иногда зубрить, чтобы показать хорошие результаты. Усидчивость, старательность и желание вырваться из родной дыры — прекрасные мотиваторы.

— Ян, ну все наши поедут. И Женька Алышев...

— Ну и прекрасно, — стараюсь делать вид, что меня это не расстраивает. Их родители содержат. А мне дают десять тысяч на месяц, и на пособия с методичками уходит большая часть. — Без стипендии я буду голодать или объедать тебя. Прости, но деньги мне важнее тусовки.

Беру тонкую тетрадь в клеточку. У меня своя методика запоминания: читаю параграфы, а потом письменно пересказываю их себе.

Танька скрывается в коридоре. Она одна из немногих, кто со мной дружит. Для остальных я — ботан и заучка. В прошлом году я досрочно сдала экзамены и соврала, что уезжаю на море. А на самом деле мне просто нечем было оплачивать ещё месяц в общежитии.

Прописываю два параграфа. Плохо: многое вылетает из головы. Мозг занят мыслями о работе. Нужно найти хоть какую-нибудь — лишь бы чуточку держаться на плаву.

— Ян, а Танька говорит, что ты с нами ехать не хочешь? — В комнату заходит Женька. — Тогда и я не поеду. С кем я там буду беседы вести? С пьяными первокурсницами? Это опасно: они ещё несовершеннолетние, — заливается он смехом.

Женька для меня — эталон мужчины. Образованный, начитанный, красивый и... обеспеченный. И, в отличие от многих, он разговаривает со мной не потому, что я могу дать списать или решить задачу по статистике. А просто потому, что... Не знаю почему.

Вот бы мир встал с ног на голову и Женька увидел во мне только друга. Прочь эти мысли! Римское право — моя любовь на ближайшие выходные.

— У меня на все выходные вот это, — поднимаю учебник. — Пока других вариантов нет.

— Ян, да брось. Куда эта сессия денется? А у тебя разве не автомат? — Он всё ещё стоит у двери.

— Пока не объявляли. А потом я могу не успеть выучить. Может, зайдёшь?

— Ну, если мешать тебе не буду, то с удовольствием. Наши все собираются на эту тусовку, а я не люблю пьяные посиделки. И песни у костра тоже. Лучше бы в клуб сходили, а не на этот фестиваль бардовской песни. Ладно, не буду тебе мешать. Ещё заскочу.

Сесть за учебник сразу не получилось. Сначала Танька собирала сумки, потом к нам зашла девчонка из группы. К вечеру я всех выпроводила. Теперь у нас затяжное свидание с римским правом.

Доучиваю седьмой билет. Осталось ещё тринадцать.

Лечь спать пораньше и встать часов в пять? Или посидеть до четырёх, а потом поспать до восьми?

— Ты всё ещё учишь? — В комнату врывается Женька. Глаза блестят, от него пахнет алкоголем и жевательной резинкой. — Давай лучше поболтаем. Я пиццу принёс.

Он подходит к столу и одним махом смахивает учебники на пол. Комната наполняется запахом томатного соуса. Ставлю чайник.

— А может, и хорошо, что мы никуда не поехали, — Женька подходит всё ближе.

Делаю шаг от него. Я его не боюсь, но у меня раньше не было отношений. За такими, как я, парни не ухаживают.

— Жень, мы есть будем? — стараюсь отвлечь его.

— Никуда эта пицца не денется. Она и холодной нормальная.

Алышев не даёт мне ответить и загоняет в тупик: спиной я уже упираюсь в шкаф, отступать дальше некуда.

Его лицо всё ближе. Я закрываю глаза. Запах мяты и алкоголя становится сильнее. Его тёплые сухие губы накрывают мои.

4

— Не бойся, — шепчет он мне почти на ухо. Тело покрывается мурашками. Не так я представляла себе свой первый поцелуй. Губы Женьки становятся настойчивее. Его рука уже под кофточкой. — Женька, подожди... Выскальзываю из-под его руки. У меня сейчас будто раздвоение личности: две Яны наперебой кричат, как мне поступить. Та, что сидит на левом плече и кричит в левое ухо: «Ты же завидовала девчонкам, которые давно знают, что такое ночь с мужчиной. Сейчас откажешься — так и будешь потом всю жизнь жалеть. Сорок кошек уже за порогом ждут, а такие, как Женька, долго уламывать себя не заставят. Яна, включай... вернее, выключай голову, отдайся эмоциям. Пусть это будет самая классная ночь!» «Яна», которая справа: «Богатырёва, ты что, с дуба рухнула? Такие, как Женька, с тобой только на спор или с большого опьянения могут...» — представляю, как она поправляет толстые очки в черепаховой оправе. «Ему только и нужно, что переспать с тобой, а может, ещё и пару фоточек для соцсетей сделать — для какой-нибудь группы вроде Овцы и безголовые курицы! У тебя и так впереди славная ночь. Посмотри, какой учебник толстый, а в башке у тебя пусто». Закрываю лицо руками. У меня есть пара секунд, чтобы принять решение. Из какой-то передачи я помню, что девушка на любом этапе может сказать «нет». Но я не из таких: если уж дала слабинку, так и расплачивайся за это. — Ты решила от меня сбежать? — Алышев будто читает мои мысли. — Ну куда? Когда у нас ещё будет шанс остаться вдвоём в этой общаге? Провести время вместе, насладиться друг другом. Голос манящий, возбуждающий. Сколько же девушек он свёл с ума! Алышев — известный бабник факультета. Вот и я попала в его сети. — Может, ты меня боишься, глупенькая? Ян, перестань... — Его губы впиваются мне в шею. Не могу устоять перед его напором. Ноги подкашиваются. Он подхватывает меня на руки. — Как ты любишь? — спрашивает он. Я смотрю на него. Какой-то дежурный вопрос: ответа он всё равно не слышит. Он уже весь в предвкушении и процессе. — Не знаю... Как я могу знать, как люблю, если у меня никогда такого не было? В своей жизни я влюблялась сначала в комиссара Каттани, потом — в актёра из российского сериала. Мечтала, что когда-нибудь мы встретимся и в наших сердцах поселится большая светлая любовь. Но никого я так и не встретила. А Женька... Он герой моего нынешнего романа. Ещё на первом курсе я втрескалась в него по самые уши. Но он для меня как сахар для диабетика: только смотреть, облизываться и мечтать о романтических отношениях. Танька не верила, что такой, как он, может подойти к такой, как я. А он подошёл! И не только... Пусть завтра я буду кусать локти, а сегодня... Спиной чувствую кровать, а потом — тяжесть Женькиного тела. Он наспех стаскивает с меня халат. Бюстгальтер летит в сторону. По телу пробегает дрожь. Закрываю глаза. «Яна, ты же сама хотела. Что, остановишься перед финишной прямой? Права была мама: ты ничего не можешь довести до конца. Даже с мужчиной в постели». Женька целует меня в губы, потом — в шею. Чувствую его дыхание у солнечного сплетения. — Ты такая напряжённая, малышка. Расслабься, — говорит он голосом, который сводит меня с ума. Что происходило дальше, помню плохо. Объятия, горячее дыхание, боль. Стискиваю зубы, чтобы не закричать. В голове шум. — Ого, а ты чего не сказала, что я у тебя первый? — Женька выглядит испуганным. Он смотрит мне в глаза. Я шмыгаю носом, чтобы не показать слёз. — Я бы был аккуратнее. Он притягивает меня к себе. Целует в висок. — Чай будешь? — Алышев встаёт с кровати и голышом идёт к столу. Смотрю на него: раньше я никогда не видела обнажённого мужского тела. Только на картинках и в видео для взрослых, но там всё совсем другое. — У вас сахар закончился. Я сейчас из нашей комнаты принесу, — Женька горячо целует меня в губы. — Не скучай. Он уходит, а я натягиваю на себя одеяло. Не так я себе представляла, что значит стать женщиной.

5

— Ну его нафиг, ваше посвящение, — хорошо подвыпившая Танька вваливается в комнату в десять утра. — Как дура наряжалась, а ему и дела нет. Думает, ему что-то выгорит. Фигушки!

Хорошо, что Женька только-только ушёл к себе. На столе ещё стоят две чашки, на одной тарелке лежат недоеденные бортики от пиццы, а на второй — едва надкусанный кусок. Смятая простыня валяется рядом с кроватью.

Хватаю учебник и делаю вид, что очень занята подготовкой к экзамену.

— Тань! — быстро оглядываю комнату, проверяя, не осталось ли улик.

— Ого, тут пиццей пахнет и перегаром. Колись, кто у нас ночевал, — подруга с интересом осматривает комнату. — Только не рассказывай, что ты сама её купила: она стоит как половина твоего месячного бюджета. Тут мужиком воняет.

Танька принюхивается, как Баба-яга в исполнении Милляра, и поднимает на меня почти стеклянные глаза. Ага, кажется, даже в хмельном дурмане у неё заработали мыслительные процессы.

— Это то, о чём я думаю? Тихушница! Римским правом прикрылась, а сама мужика в комнату притащила! — Она складывает руки на груди и пошатывается. — Мать! Ян, а чей лифчик валяется у тумбочки? Что-то за полтора года совместного проживания я ни разу не видела, чтобы ты так небрежно относилась к своему белью. Ай-яй-яй!

Танька улыбается и хихикает в кулачок: она знает огромный секрет заучки Яны Богатырёвой.

Не хочу спорить и что-то доказывать. Убираю со стола, открываю форточку. Дышать нечем: один перегар наслаивается на другой.

— Ты чего так рано? Я думала, ты только завтра приедешь.

Я хорошо знаю Таньку: она любит, когда говорят только о ней. Поэтому, если мне нужно свернуть разговор, я спрашиваю что-нибудь невинное, а потом часами слушаю её рассказы.

— Да нефиг там ловить. Ты же знаешь, я люблю быть в центре внимания. А тут какая-то краля с заочного приехала. Вероника, — Танька меняет голос, чтобы имя прозвучало смешнее. — Верка какая-то деревенская. А наши пацаны рты пораскрывали, слюни пустили. Мишка за ней прям ухаживал, хотя мы, вообще-то, вроде как встречаться начали. Конечно, на природу она приехала! Мы — в куртках, джинсы в носки заправили: мало ли кого в траве встретишь. А эта мадам — с вырезом до пупа и на каблучищах. Короче, она украла всю мою минуту славы. А я не люблю быть на подхвате. Так что прости, но твоя лавстори в твоей кровати пока закончилась. Хочешь, я с трёх попыток угадаю, кто у тебя был?

— Не хочу, — отвечаю я. Если снова скажу, что до экзамена слишком мало времени, а я почти ничего не выучила, подруга обидится.

— Алый был? Да я знаю, что он. Такая пицца половину нашей степухи стоит — кто ещё её купит? Остальные пацаны были с нами, а Женечка где-то по общажным койкам затерялся. Ну и как он?

— Тань, не сейчас, — чувствую, как щёки наливаются жаром. Мне стыдно, хотя я не сделала ничего противозаконного и хранить честь мне не для кого.

— Ладно, посмотрим, как твой Алышев в понедельник себя поведёт. Буду пристально за ним наблюдать.

Подруга наконец разувается и проходит в комнату.

Что? Зачем? Первое, что приходит на ум: он поспорил на меня, как в фильме «Девчата».

— Ты что-то знаешь о нём? — Сердце бешено колотится. Вот так доверилась парню, а он...

— О нём — ничего. К нам Вера перевелась на поток. Все, кто был на посвящении, уже показали себя с «лучшей» стороны. А Алышев пока ещё не в курсе. Так что не удивлюсь, если твоё сердце будет разбито. Я готова побыть жилеткой для слёз и приятной компаньонкой для бутылочки белого и грустных девичьих разговоров.

Не хочу доказывать, что верю Женьке. А может, и не верю? Для меня это целое событие — сам Алышев до меня снизошёл. А для него я, скорее всего, просто девушка, с которой он хорошо провёл время.

Как в детстве, начинает дрожать губа, в глазах щиплет. Что делать, если весь факультет узнает, что мы провели ночь вместе?

— Эй, ты чего? — Танька обнимает меня. — Не слушай мои пьяные бредни. Я же от бабской зависти. Ты ночь с мужиком провела, а я одна — смотрела, как телка крутит задницей, а наши мужики, на которых у нас, между прочим, были планы, — она поднимает палец вверх, — не обращали на нас никакого внимания. Маха ещё сильнее напилась и обиделась. Теперь мы тому крылу бойкот объявили. А давай девичник устроим? Проводим твою честь — с музыкой и песнями.

— После римского права. Тань, мне ещё учить и учить.

— Ну конечно, я же не Алышев, чтобы ты на меня время тратила. О, и сахарочек дома появился. Может, тебе почаще из дома уезжать?

6

— Дорогие второкурсники, — начинает куратор нашей группы, которая по понедельникам всегда проводит собрания. — У вас новая студентка. Вера Спесивцева перевелась к нам с заочного отделения благодаря хорошим результатам. А половина из вас при таком отношении к учёбе скоро сама перейдёт на заочку.

Права была Танька: все парни свернули шеи, пока Вера шла к своей парте.

— А у вас там все такие хорошенькие? — выкрикивает кто-то из парней.

Вере нравится внимание: она складывает губы уточкой и одаривает всех взглядом. Умеет же девчонка себя преподнести.

— Тебе она как? — заглядываю Женьке в лицо. Он сидит рядом. Скрещиваю пальцы за спиной, надеясь услышать что-нибудь ободряющее.

— Ой, нет. С такими проблем много: то цветы не те, то чай слишком горячий, то слишком сладкий. Мне ты нравишься, — говорит он и снова утыкается в телефон.

Значит, я могу быть спокойна? К моему и Танькиному удивлению, Женька от меня не сбежал. Наше приключение перешло на какой-то другой уровень.

— В кино пойдём? — Он показывает мне электронную афишу.

— Пойдём, конечно.

Я всегда соглашаюсь на его предложения, а по ночам снова зубрю. Скоро коллоквиум по гражданскому праву.

— Я зайду за тобой в семь. Потом забежим в кафешку. Сегодня Клава в комендантской, после двенадцати не пустит.

Выход в люди — моя боль. Надо пройтись по девчонкам, собрать вещи. Не могу же я в своей серой юбке везде шляться.

— Девочки, выручайте, — заворачиваю к подружкам в комнату. — Кто чем может.

— Ян, денег нет. Полпачки гречки осталось, — улыбается Ритка. Она всегда шутит невпопад.

— Мне бы кофточку и джинсы, — тру носком по полу, будто стесняюсь. — Меня в кино позвали, а в этом пойти не могу.

Девочки уже не раз выручали меня одеждой, так что я хорошо знаю, кому что подойдёт по размеру.

— Дам, но с одним условием, — говорит Лида, жуя арахис в сахаре. — Расскажешь, кто твой ухажёр.

— Пфф, тоже мне секрет, — Ритка вытаскивает из шкафа вещи и раскладывает на кровати. — Алый у неё «жених», как пограничный пёс, её охраняет. Ян, мы все в шоке. Может, ты и правда счастливый билет вытянула?

Пожимаю плечами.

— Да брось! — Лида оставляет тарелку со снеками и выкладывает на кровать половину своего гардероба. — Янка у нас что, кривая или косая? Или одноногая? Все так удивляются, будто Алышев ослеп и завёл себе простужку. Как собачку из приюта взял. Ну и чем Янка хуже этой раскрашенной козы, Веры или как там её? Дорогими шмотками та выделилась — так это дело наживное. Янку приодеть — будет принцесса. А если ещё и в салон красоты на пару часов отправить, вообще глаз не отвести. Женька хоть и иногда нижней головой думает, — она стучит себя по бедру, — но в целом не дурак.

— Это мы ещё посмотрим, как он перед той устоит. Ты чего стоишь? — Ритка вспоминает обо мне. — Выбирай, в чём пойдёшь. Потом расскажешь нам подробно: сколько раз вы целовались, сколько раз он взял тебя за руку и какие ещё были интимные подробности.

— Кстати, — Лидка достаёт косметичку, — у вас же это было? Ну, то самое?

Девчонки выразительно двигают бровями, а потом начинают ржать. Я снова краснею.

— С Алым бы и не было, — говорит одна из них. — Было, конечно. Или ты думаешь, Янка держит его на привязи? Она для него лакомый кусочек.

— Девы, я сейчас обижусь. Вы не забыли, что я вообще-то рядом и всё слышу?

Конечно, я ни на кого не обижаюсь. За время знакомства я привыкла к их простоватому, временами вульгарному юмору.

Возвращаюсь в комнату, неся на руках целую охапку одежды. Лида уже подвела мне глаза, осталось заплести колосок — и буду красotka.

— Тут живёт Алышевская девка? — Дверь распахивается, и в комнату вваливается новенькая. От неё пахнет табаком и духами. Ногти длинные, ярко-красные. Она так много жестикулирует, что у меня уже рябит в глазах.

— Ага, — поддакивает ей одна из девчонок с курса. Такие есть в каждом коллективе: про них говорят, что они без мыла в любое отверстие влезут.

— А он слепой? Минус пять точно есть? От неё же старьём воняет. Вещи будто с бабкиного пугала сняла. Надо его на правильный путь наставить.

Всё происходит так быстро, что я не успеваю среагировать. Так и стою, хлопая глазами.

Одеваюсь. Без четверти семь я уже в боевой готовности. До прихода Женьки ещё есть время, и я беру учебник.

Не читается. В голове звучит голос этой стервы. «Мы ещё посмотрим, кто будет с Женькой», — мысленно объявляю ей войну.

Семь ноль-ноль. Семь-десять. Семь-двадцать. Я сижу, разодетая, как кукла, а его всё нет.

— Сама позвони. Мало ли, планы изменились, — Танька, мой верный оруженосец, вытирает мне слёзы.

— Нет. Пусть сам делает свой выбор. А я свой на сегодня уже сделала.

Стираю помаду и сажусь за учёбу.

7

— Яна, привет! — Алышев стоит в коридоре нашей общаги.
Для меня этого человека теперь не существует. Прохожу мимо, но он хватается меня за руку.

— Что случилось? Чего обиженку включила?

Не могу смотреть ему в глаза, ищу точку опоры. Мне противно от самой себя.

— Ты вчера пригласил меня в кино, если ты забыл...

Дёргаю руку, но он не отпускает.

— Твою мать, я забыл. Ну, сегодня ходим. Кинотеатр каждый день работает, — в его глазах ни капли раскаяния. — У тебя же есть мой телефон...

— Отпусти, мне пора.

— Давай без истерик. — Он прижимает меня к стене и целует в губы. — Я. За. Тобой. Зайду, — почти шипит мне в лицо.

Вырываюсь из его объятий.

Бегу по ступенькам. Странное ощущение: будто на раненое сердце налили зелёнки. Боль невероятная, дышать нечем, но, кажется, это должно исцелить.

Захожу в аудиторию. Ещё никогда я не чувствовала себя такой разбитой. Падаю на парту, на глаза наворачиваются слёзы. Разве можно так поступать с человеком, которому ты нравишься? Где порядочность?

— Янка, ты чего рыдаешь? — Лидка появляется в кабинете. — Да плюнь и разотри. У вас два дня роман, а ты уже, небось, придумала, как детей назовёте и какое образование получают внуки. Наивная. Ты на Алышева посмотри: он, наверное, боится ночевать один, поэтому в его койке каждый раз волшебным образом кто-то появляется.

— Лида! А если он мне нравится? А если это первый мужчина, которого я люблю? — Я рыдаю, но говорю очень тихо, чтобы никто не услышал.

— Ну, а я люблю сырокопчёную колбасу и арахис в шоколаде. Ну и что теперь? Но детей с ними не заведёшь. Поплачь, чтобы легче стало, а бабника этого выброси из головы.

Легко сказать: «Выброси». Но как это сделать, если слышишь его голос, ладони потеют, сердце заходится, а щёки заливают краской? Не потому, что я этого хочу, — организм сам реагирует на этого мужчину.

Я не знаю, как с этим бороться.

— У меня вечер сегодня занят, — слышу голос Алышева. Он ещё доносится из коридора, а у меня уже начинается приступ тахикардии. — Девочку свою выгуливаю.

Интересно, это он обо мне? Теперь не буду стесняться: обещал встретиться — будь добр, выполняй обещание. Сама буду звонить... Нет, не буду.

Его голос приближается. Сначала появляется эта длиннющая Вера на каблуках, похожих на ходули. Дылда.

Следом по-хозяйски заходит Женька. Лицо довольное.

— Так человек после секса выглядит, — ставит ему диагноз Лидка. — Так что плюнь и разотри.

Да когда он успел ещё и сексом заняться? С нашей последней встречи прошло не больше десяти минут. Это же быстро! Даже одеться-раздеться — и то сколько времени нужно. Алышев плюхается рядом со мной.

— Ты чего грустишь? Снова зубрила всю ночь? — Он протягивает мне яблоко. — Витаминка.

— Не хочу. Ты решил со мной сесть — почему не с Верой? — смотрю ему в глаза.

В моей голове всё выглядит как в красивом фильме. У героя должны быть метания, он должен кого-то выбрать. И этим «кем-то» должна быть я.

— Ян, перестань ворчать. Тебе внимания мало? Смотри.

Он берёт моё лицо в ладони и целует в обе щёки.

— Дорогие однокурсники, — улыбается до ушей. Довольный. — Это не просто поцелуй дружбы! А то мало ли что вы подумали... У нас с Яной чувства.

Он подмигивает мне и крепко обнимает. Может, Алышев и делает это от чистого сердца, но для меня всё это — издёвка.

Отодвигаюсь от него. Мне об учёбе думать надо, а не становиться посмешищем для всего потока.

Занятие проходит спокойно. Я, как всегда, на высоте: отвечаю, «блещу» умом, потому что всё зазубрила.

— Зачем тебе Алышев, если ты оргазм от своих мозгов получаешь? — Вера наклоняется ко мне. Уверена, сзади у неё видны не только трусики.

— Лучше у него спроси, зачем ему я. Видимо, у него стоит не на всё, что движется, а только на меня.

Эта фраза сама вылетает у меня изо рта. Вспоминаю, как когда-то её сказала школьная подружка. Вот как удачно она отложилась в памяти и пригодилась в нужный момент. Чудеса!

— Это мы ещё посмотрим, у кого и на что стоит. Даже близко к нему не подходи!

Кажется, сейчас она вцепится огромными когтями в мою тонкую шею, как ястреб — в мышонка.

Ну, Вера, теперь я обязательно пойду с Алышевым в кино. Назло тебе. Как говорила моя бабушка: «Может, потом и утрюсь, но с ним обязательно пройдусь...»

8

— Янчик, ты готова? — Сначала в комнате появляется запах дорогого мужского одеколона, а потом — голова Женьки.

— О, ты в этот раз обо мне не забыл. Или Верка так занята, что ты обо мне вспомнил?

— Не придумывай. — Он заходит в комнату и крепко обнимает меня. По спине пробегает дрожь. Я отворачиваю лицо от поцелуя: так быстро не сдамся.

— А так? — Он протягивает мне шоколадное яйцо.

Расплываюсь в улыбке: это так трогательно и смешно одновременно. Пока я радуюсь подарку, как ребёнок, он меня целует.

— Пойдём, мы опаздываем.

Алышев крепко берёт меня за руку. Я бегу за ним по коридору, потом по ступенькам. Маленький солёный попкорн и средний напиток. Последний ряд в кинозале. Я смотрю фильм, а Женька — на меня.

— Ты так весь фильм пропустишь, — говорю я и убираю его руку с колена.

— Я не люблю отечественный кинематограф. Я сюда пришёл на тебя смотреть и этим планирую заниматься весь сеанс. А ещё лучше — вот этим.

Алышев почти перегибается через подлокотник. Нагло обнимает меня, целует. Чувствую исходящие от него жар и желание. Нет, милый, ты ещё не прощён. Если я пошла с тобой в кино, это не значит, что готова на всё. Ах да, ты же не приемлешь отказов. Но это мы ещё посмотрим.

Фильм закончился. О чём он был? Трудно сказать, когда тебя постоянно отвлекает один настойчивый молодой человек.

— Погуляем или домой пойдём? — Я выбрасываю пустой стаканчик из-под напитка.

— Я бы лучше домой. Но общагу домом не назовёшь. Так что пойдём погуляем, зайдём в кафе, а потом — в наш дом, — Женька выглядит серьёзным.

— Тебя родители в ссылку, в общагу, сослали? Кажется, у тебя есть возможность жить в квартире.

— У меня есть возможность жить у сводной сестры по отцу. Но я уж лучше без образования останусь, чем поселюсь рядом с этой мегерой. Вот так я и начал жить в общаге.

Заходим в кафе. Народу полно, все столики заняты. В душе радуюсь: мама всегда говорит, что за каждую услугу и каждую потраченную на меня копейку потом спросят втройне.

Берём кофе и по хот-догу в маленькой, очень тёмной кофейне. Смотрю на часы — пора домой.

— Пойдём. Не хочу окончательно прослыть занудой, но домашку на завтра никто не отменял.

— Богатырёва, — он прижимает меня к себе. — Заучка моя, дай голове отдохнуть. Что ты её насилуешь своими знаниями?

— Всё просто. Мне нужно хорошо сдать все экзамены, потом окончить университет с красным дипломом, а затем найти хорошую работу. А если я буду... — стучу пальцем по виску, — тук-тук, — то поеду в родную деревню работать на почте. Я этого не хочу. Потом хочу семью, детей.

Я не стесняюсь ни своего «пролетарского» происхождения, ни бедности. Уверена: всё это никак не определяет меня как человека.

— Я лет до тридцати не хочу семью. Хочу нагуляться, навстречаться, построить карьеру в международной компании, обзавестись домом и машиной, попутешествовать по всему миру. Жену, может быть, тоже заведу, а детей пока точно не хочу.

— Да уж, — слова легонько, но больно колют меня в сердце.

Без четверти двенадцать — последние минуты, чтобы успеть в общагу.

— К тебе или ко мне? — чувствую на себе горячее дыхание.

— Ты к себе, а я к себе. Всё же понятно, — держу оборону.

— Ну нет, — почти шепчет он.

Чувствую, как Женька тихонько вздрагивает и напрягается. В его глазах появляется поволока. Желание берёт верх над разумом.

— Вот ты где! Я тебе весь вечер звоню, — из-за угла появляется Вера. Макияж такой, будто она участвовала в конкурсе трансвеститов. От неё пахнет духами. — Думала, погуляем.

Она переводит взгляд на меня. Выражение её лица меняется, будто Алышев обнимает кучку дерьма. Я делаю лицо понаивнее и хлопаю ресницами. Видела такой приём в кино: говорят, он сильно бесит соперниц. Поворачиваюсь к Женьке, беру его лицо в ладони и... целую. Женька поддаётся моей манипуляции.

— Какого чёрта? — слышу я за спиной.

Жду, что сейчас посыплется угрозы, ругань, проклятия.

— Сука, тебе это так просто не сойдёт с рук!

Вера психует. Интересно, эта фраза адресована мне или Женьке?

Женьку уже не остановить: если бы можно было уложить меня прямо в коридоре, он бы сделал это без стыда.

Он тянет меня к двери своей комнаты.

— Секунду, — быстро целует и скрывается за дверью.

Надо бежать, но ноги ватные. Внутри я ликую: вот это я утерла нос Верке! Она думает, что я простушка, а я думаю, что это она лохушка.

Из комнаты выходят Женькины соседи, улыбаются и подмигивают. Что они хотят этим сказать?

Женька затягивает меня в комнату.

— Я хочу чай, — хлопаю глазами и снова делаю вид, что я глупая кукла. Сейчас я и тебя отшью. Будешь знать, как забывать обо мне.

— Всё потом...

Женька с силой толкает меня. Я падаю на кровать, и он нависает надо мной.

— Подожди... — стараюсь вылезти из-под него.

— Да перестань...

Кофточка уже расстёгнута. Я должна его остановить, но не могу и не хочу. Его движения становятся настойчивее. Хотела его обхитрить, а сама попалась в сеть...

9

Женька тяжело дышит и ложится рядом.

— Ты чего такая напряжённая? Давай изучать твою сексуальность, искать позы, которые тебе понравятся, — говорит он и смотрит на меня с озорными искорками в глазах.

Я краснею: не умею говорить на такие темы. Девочки в комнате обсуждают партнёров, рассказывают, что и как, а я не могу. Слушаю, но самой поделиться стыдно. Хорошо, что они привыкли к моей закрытости: я почти не рассказываю о личном и о том, что у меня внутри.

— Да ну, врётё! Не может Алышев на Богатырёву залезть. Он же не дурак! — Дверь распахивается с ноги. На пороге Верка: в откровенном пеньюаре, с волосами, убранными под «солоху», и без макияжа. Бледная, с впалыми глазами — прямо старуха с косой.

Я натягиваю одеяло повыше. Страшно, стыдно. И сама не понимаю почему: Женька ведь не её парень, никто никому не изменяет.

— Долбанные извращенцы, — почти рычит Верка.

В дверях появляются ещё две головы — соседи Алышева. Видимо, им стало скучно, и они решили устроить этот цирк.

— Ты чего орёшь? Кто разрешил врывать в комнату? — Голос Женьки холодный, металлический — будто грохочет картошка, падая в цинковое ведро.

— Завтра начнётся травля. Она и так меня недолюбливает, а теперь...

Глубоко вздыхаю. Только этого мне не хватало. Нужно быть начеку: ничего хорошего от неё ждать не приходится.

Пытаюсь быстро одеться, но никак не получается застегнуть бюстгальтер. Запихиваю его за пояс — да и ладно. Футболка обтягивает грудь, получается слишком откровенно. Ну и пусть.

Женька, уже одетый по пояс, провожает меня в комнату.

— Да не забивай ты себе голову. Мало ли что она там себе придумала. Тебе со мной было хорошо? Мне с тобой — хорошо. Ну и мало ли кто чем недоволен. Ян, перестань напрягаться.

Захожу в комнату. Танька сидит на кровати в позе лотоса. У неё такое лицо, будто она привидение увидела.

— Что-то случилось? — спрашиваю я. У неё сильно болеет бабушка, и мне почему-то кажется, что из дома позвонили с плохими новостями.

— Где ты дылде дорогу перешла? Она только что в комнату влетела, орала, что тебе кранты. И что тебе лучше перевестись из нашего университета.

— Она застала нас с Женькой.

— Тьфу, тоже мне новость. Зажимались по углам, как малолетки? — Танька подпирает подбородок кулаками.

— Нет, — снова краснею и отвожу взгляд.

— Сексом, что ли, занимались?

— Ну, почти... Уже после. Думаешь, она будет мстить? — Наливаю стакан воды из-под крана. В горле пересохло, будто наждачки наелась.

— Мне кажется, не тебе надо об этом думать. Алышев баб кадрит, с ума их сводит, а потом начинаются вот такие войны. Он должен вас развести по разным углам. Но нет, он этого не сделает. Ему же честь — две тигрицы за его... — Танька делает вид, что кашляет, — борются. Было бы за что! Других мужиков нет? Ах да, они же не такие популярные. Надо самого крутого — только зачем? Мама всегда говорила: шапка должна быть по Сеньке. Так вот, твой картуз тебе не по размеру. Ты, конечно, пытаешься его натянуть, но выглядишь как клоун.

— Спасибо, дорогая подружка. Ты у нас к армии Верки примкнула? Теперь её верный оруженосец?

— Богатырёва, ты вообще на своём Алышеве свихнулась? Шорыними, вокруг оглянись. Я завтра тазик побольше куплю — слёзы твои собирать. Ян, ну правда...

— Тань, назад уже не отмотать. Нравится он мне. И я ему тоже. Вроде.

— Я тебя поняла, — говорит она и утыкается в учебник. — Если что, я готова принять тебя в свои большие крепкие объятия — и с соплями, и со слезами. Предохраняйся. Надеюсь, вы об этом думаете? Алышев в таких дырках побывал, что потом по венерологам набегаешься.

Блин! Почему у меня в голове на этот счёт пусто? Может, сходить к врачу, пусть выпишет таблетки? Или самой купить в аптеке? Иду в интернет, ищу названия и цены. Недёшево. Значит, придётся ещё меньше тратить на себя.

— Существуют же какие-нибудь бюджетные средства контрацепции? — спрашиваю, стесняясь.

— Ага, «вовремя вытащить» называется. Если верить статистике из интернета, так происходит половина незапланированных беременностей.

Час от часу не легче. Надо как-то завести этот разговор с Женькой.

Беру учебник и тонкую тетрадь. Пора заниматься.

У кого-то утро начинается с кофе, а у меня — с повторения пройденного материала. Спала всего три часа. Не могла уснуть, всё думала о Женьке. Я верю, что мы можем быть вместе. Откроем небольшое юридическое бюро. Я буду заниматься разводами, помогать женщинам удержаться на плаву после расставания. А Женька станет международником. У нас будет большой деревянный дом. Трое, а может, и четверо детей. Большая рыжая собака, пара кошек из приюта. Алышева Яна Сергеевна! Звучит!

Ага, это мои мечты. А о чём мечтает Женька? Точно о чём-то другом.

— Янка, тебе каши сварить? — Танька насыпает в кастрюлю геркулес.

— Давай. Сегодня пары до пяти, и ни одного окна.

Собираю учебники и тетради в рюкзак. Танька ставит на стол тарелку с батоном и чашку чая.

— Эта овца мне весь сон испортила. Скотина, я её сгною! — В комнату снова врывается Верка. Не комната, а проходной двор. Почему наша дверь не заперта?

— Вер, ну что ты орёшь? Все свои претензии высказывай Алышеву, не надо лишний раз воздух сотрясать. Ну не Янка будет в его койке, так какая-нибудь другая баба. Кобель он! — Танька оборачивается к непрошеной гостье.

— Мне всё равно на других баб, если они достойные. А не вот этот отброс.

В комнате слышно шипение, появляется запах гари. Каша! Горит на плите и убегает через край.

— Иди отсюда! Мы с Женькой сами решим, как нам быть. Твоё место за дверью! — набираюсь храбрости.

Верка подходит к плите и плюёт в нашу и без того несъедобную кашу...

10

— Скоро День факультета. Каждой группе дали задание подготовить тематическое поздравление, — Танька перебирает вещи в шкафу. — Я буду Фемидой!

Она завязывает глаза розовым шарфом.

— А весы и меч упростим? — показываю ей язык, но она всё равно не видит.

— Ага, сделаем авторское допущение. Богатырёва, ты ко всему относишься слишком серьёзно! — кривляется Танька. — Будь проще! Что-то Верка затихла. Точно задумала какой-нибудь финт ушами.

— Может, Женька сказал ей не лезть? В последний раз он разговаривал с ней очень строго.

— Твои бы слова да кому-нибудь в уши. Она не из тех, кто сдаётся.

У Таньки стакан всегда наполовину пуст — даже если вода уже льётся через край.

— Если ты будешь Фемидой, то кем буду я? — меняю тему разговора. — Буду Конституцией!

Выпрямляю спину, красиво складываю руки и делаю умное лицо.

— А это ты классно придумала. Ян, у тебя же лицо театральное, ты хорошо поёшь. Зачем на юридический попёрлась? С науками у тебя туго. Не, ты молодец, не поспоришь. Но учёба даётся тебе такими усилиями... Может, и не надо было?

— Деревенщицы только в фильмах поступают на актрис. А в реальности — на агронома или ветеринара. Для самых отбитых — бухгалтерия. Я себя никем из них не видела. У нас дома показывали всего три канала, вот сериалы про ментов и выросли в мою жизнь. Так я и сама в эту систему выросла.

— На зимние каникулы домой поедешь? — зевает подруга. Ей скучно, а мне надо учиться. Но я не умею уходить от разговора.

— Если получится сдать сессию заранее. А для этого мне нужно много и упорно заниматься.

— Ян, так ты всю жизнь пропустишь. У тебя всего два занятия: зажиматься с Алышевым и зубрить. А где прекрасные женские радости? Танцы до упада, караоке, флирт с красивыми мужчинами?

— Я бы с удовольствием всем этим занималась, но при моём плачевном финансовом положении мне остаётся только милостыню на Курском вокзале просить. С нового года пойду работать. Например, в цветочный. Женька про море заикнулся — говорит, было бы здорово съездить. Вот мне и надо подкопить. Вернее, начать с нуля собирать деньги на поездку.

Танька упирает руки в бока и смотрит исподлобья.

— Он тебя приглашает и хочет, чтобы ты сама всё оплачивала? — Брови у неё ползут вверх.

— Да ничего он не хочет. Это я решила, что не могу сидеть на чужой шее. Тем более мы пока даже не официальная пара. Только начинаем делать шаги навстречу друг другу. Он-то возьмёт деньги у родителей, а я так быстро не соберу. Просматриваю объявления — может, найду что-нибудь пораньше.

— Ты собираешься пропускать учёбу? Или работать по ночам? — По голосу слышу, что Танька не очень довольна ситуацией.

— Лучше по ночам, два через два. Чтобы и учёбу не запустить, и не помереть где-нибудь между сменами.

— Может, секретарём в суд? Или юристом в какую-нибудь контору? Сразу начнёшь набивать опыт и связи. И платят, мне кажется, лучше.

Пожимаю плечами. Как совмещать дневное отделение и работу? Никак. Я не могу даже допустить мысли, что завалю сессию или брошу университет. Думаю, меня ждёт великое будущее.

Танька отодвигает учебник и лезет в телефон — искать вакансии для студентов.

— Выкладка товаров? — Подруга закатывает глаза. — А почему бы и нет? Может, там ещё и на продукты скидки будут. Или кормить станут. Прикинь, как классно!

— Почему бы и нет, — отвечаю, не отрываясь от учебника.

Танька набирает номер и выходит из комнаты. Возвращается с улыбкой до ушей.

— Янка, нас берут! Будем выкладывать сайру в супермаркете. Платят нормально, причём после каждой смены. Условия человеческие. Завтра вместе выходим на первую ночную смену.

Сажусь на кровать. Не понимаю, как реагировать. Я вроде и рада, но... Выкручусь. Справлюсь.

Все женщины в моём роду жили непросто. Бабушка одна поднимала детей, крутилась как могла, работала дояркой в две смены. Мама тоже бросила университет, потому что забеременела мной. Папа оказался инфантильным, и ей пришлось самой выкручиваться. Папа — отличный человек: мог часами читать со мной или играть в бродилку. А вот заработать, «при- тащить мамонта» — это не про него. Мама ушла из библиотеки в торговлю, если это можно так назвать. Сначала продавала зелень с огорода и сезонные ягоды, потом открыла палатку с китайским ширпотребом. Деньги появились, а здоровье мамы было окончательно подорвано. И сейчас родители едва сводят концы с концами.

Мысль о том, что я смогу порадовать маму, становится решающей.

— Идём на работу! Только тогда мне нужно выучить ещё и материал на послезавтра.

Делаю себе огромную чашку чая. Лучше бы кофе, но он уже закончился.

Танька желает мне продуктивной ночи и ложится спать. А я погружаюсь в юридический мир — скучный и не очень понятный.

Кажется, начинаю дремать. На часах четыре утра. Надо хоть немного поспать. Но, как говорит мама: «Молодость всё прощает». Ложусь в кровать. В голове будто лопаются воздушные пузырьки, в глазах — песок. Надо научиться высыпаться за два часа, иначе не знаю, как я выживу.

11

— Скоро День факультета. Каждой группе дали задание подготовить тематическое поздравление, — Танька перебирает вещи в шкафу. — Я буду Фемидой!

Она завязывает глаза розовым шарфом.

— А весы и меч упростим? — показываю ей язык, но она всё равно не видит.

— Ага, сделаем авторское допущение. Богатырёва, ты ко всему относишься слишком серьёзно! — кривляется Танька. — Будь проще! Что-то Верка затихла. Точно задумала какой-нибудь финт ушами.

— Может, Женька сказал ей не лезть? В последний раз он разговаривал с ней очень строго.

— Твои бы слова да кому-нибудь в уши. Она не из тех, кто сдаётся.

Танька всегда видит стакан наполовину пустым — даже если вода уже льётся через край.

— Если ты будешь Фемидой, то кем буду я? — меняю тему разговора. — Буду Конституцией!

Выпрямляю спину, красиво складываю руки и делаю умное лицо.

— А это ты классно придумала. Ян, у тебя же лицо театральное, ты хорошо поёшь. Зачем на юридический попёрлась? С науками у тебя туго. Не, ты молодец, не поспоришь. Но учёба даётся тебе такими усилиями... Может, и не надо было?

— Деревенщицы только в фильмах поступают в актрисы. А в реальности — на агронома или ветеринара. Для самых отбитых — бухгалтерия. Я себя никем из них не видела. У нас дома показывали всего три канала, и сериалы про ментов так прочно вошли в мою жизнь, что я сама решила связать её с этой системой.

— На зимние каникулы домой поедешь? — зевает подруга. Ей скучно, а мне надо учиться. Но я не умею уходить от разговора.

— Если получится сдать сессию заранее. А для этого мне нужно много и упорно заниматься.

— Ян, так ты всю жизнь пропустишь. У тебя всего два занятия: зажиматься с Алышевым и зубрить. А где прекрасные женские радости? Танцы до упада, караоке, флирт с красивыми мужчинами?

— Я бы с удовольствием всем этим занималась, но при моём плачевном финансовом положении мне остаётся только просить милостыню на Курском вокзале. С нового года пойду работать. Например, в цветочный. Женька про море заикнулся — говорит, было бы здорово съездить. Вот мне и надо подкопить. Вернее, начать с нуля собирать деньги на поездку.

Танька упирает руки в бока и смотрит исподлобья.

— Он тебя приглашает и хочет, чтобы ты сама всё оплачивала? — Брови у неё ползут вверх.

— Да ничего он не хочет. Это я решила, что не могу сидеть на чужой шее. Тем более мы пока даже не официальная пара. Только начинаем делать шаги навстречу друг другу. Он-то возьмёт деньги у родителей, а я так быстро не соберу. Просматриваю объявления — может, найду что-нибудь пораньше.

— Ты собираешься пропускать учёбу? Или работать по ночам? — По голосу слышу, что Танька не очень довольна ситуацией.

— Лучше по ночам, два через два. Чтобы и учёбу не запустить, и не помереть где-нибудь между сменами.

— Может, секретарём в суд? Или юристом в какую-нибудь контору? Сразу начнёшь набатывать опыт и связи. И платят, мне кажется, лучше.

Пожимаю плечами. Как совмещать дневное отделение и работу? Никак. Я не могу даже допустить мысли, что завалю сессию или брошу университет. Думаю, меня ждёт великое будущее.

Танька отодвигает учебник и лезет в телефон — искать вакансии для студентов.

— Выкладка товаров? — Подруга закатывает глаза. — А почему бы и нет? Может, там ещё и на продукты скидки будут. Или кормить станут. Прикинь, как классно!

— Почему бы и нет, — отвечаю, не отрываясь от учебника.

Танька набирает номер и выходит из комнаты. Возвращается с улыбкой до ушей.

— Янка, нас берут! Будем выкладывать сайру в супермаркете. Платят нормально, причём после каждой смены. Условия человеческие. Завтра вместе выходим на первую ночную смену.

Сажусь на кровать. Не понимаю, как реагировать. Я вроде и рада, но... Выкручусь. Справлюсь.

Все женщины в моём роду жили непросто. Бабушка одна растила детей, крутилась как могла, работала дояркой в две смены. Мама тоже бросила университет, потому что забеременела мной. Папа оказался инфантильным, и ей пришлось самой выкручиваться. Папа — отличный человек: мог часами читать со мной или играть в бродилку. А вот заработать, «при-тащить мамонта» — это не про него. Мама ушла из библиотеки в торговлю, если это можно так назвать. Сначала продавала зелень с огорода и сезонные ягоды, потом открыла палатку с китайским ширпотребом. Деньги появились, но здоровье мамы было серьёзно подорвано. И сейчас родители едва сводят концы с концами.

Мысль о том, что я смогу порадовать маму, становится решающей.

— Идём на работу! Только тогда мне нужно выучить ещё и материал на послезавтра.

Делаю себе огромную чашку чая. Лучше бы кофе, но он уже закончился.

Танька желает мне продуктивной ночи и ложится спать. А я погружаюсь в юридический мир — скучный и не очень понятный.

Кажется, начинаю дремать. На часах четыре утра. Надо хоть немного поспать. Но, как говорит мама: «Молодость всё прощает». Ложусь в кровать. В голове будто лопаются воздушные пузырьки, в глазах — песок. Надо научиться высыпаться за два часа, иначе не знаю, как я выживу.

12

— Ян, ты к Дню факультета свою простыню дошила? — Танька только проснулась после смены. Лицо сонное, немного отёкшее, волосы — как у домовёнка Кузи.

— Какая простыня? — чуть не плачу. — Мне, скорее всего, не поставят автомат по гражданскому праву, а значит, придётся снова зубрить, не спать и не встречаться с Женей.

— Богатырёва, тебе надо не Конституцию играть, а чёрную тучу. Что за настроение? Ноешь и ноешь постоянно.

Сжимаю губы. Мне обидно, что даже близкая подруга от меня устала. Да я и сама от себя устала. Открываю коробочку с кокосовыми конфетами, пересчитываю накопления — восемь тысяч. Маловато, но в кармане уже не ноль. Деньги даются непросто, но другого варианта у меня нет.

— Да блин! У тебя средства гигиены не остались? Я, как всегда, забыла купить: с прошлого месяца ничего не осталось.

— Не знаю, я в этом месяце ещё не покупала, — отвечаю я. У меня всегда был немного скачущий цикл.

— С такой ночной работой, постоянным стрессом, почти без сна и лапшой быстрого приготовления здоровья надолго не хватит. А нам ещё рожать. Ян, я так долго не выдержу.

Открываю календарик. Мама давно научила меня отмечать особые дни. А в прошлом месяце ничего не отмечено. Их не было или я забыла отметить даты? Сажусь на кровать — она чуть поскрипывает. Может, у меня просто организм дал сбой? Нагрузки серьёзные.

— Яна, всё хорошо? С тобой всё в порядке?

— Да, мне нужен отдых. Весь организм сломался: горло болит, желудок постоянно ноет, цикл сбился, — ложусь и накрываю лицо подушкой. — Кажется, у меня ещё и давление скачет.

— Яна...

Танька наливает стакан воды и подходит почти вплотную. Громко отпивает и брызгает водой на меня, словно на раскалённый утюг.

— Яна, — требовательно произносит она. — А ты уверена, что виноваты работа и учёба? Может, Алышев наследил?

— Ты на что намекаешь? Тань, ты совсем с ума сошла? Нет-нет, такого быть не может.

Подруга присаживается на корточки и берёт меня за руки.

— Может, сделаешь тест? Ян, медицина сильно продвинулась. И если что, у тебя будут варианты для манёвра. Да и какой смысл жить в неведении?

Я даже думать боюсь о том, что такое в принципе возможно. Другая, может, и обрадовалась бы: хочешь Алышева — вот и возможность его привязать. А я — нет. Уж пусть миома, климакс, что угодно, только не то, о чём думает Танька.

«Как определить беременность?» — поисковик выдаёт множество симптомов. Читаю и прислушиваюсь к себе. Тошнит по утрам? Да меня всю жизнь тошнит, а теперь, когда день и ночь смешались, я вообще неважно себя чувствую. «Изменяются вкусовые предпочтения» — ерунда какая-то. Я ем то, что есть. Никакой побелки или селёдки в шоколаде мне не хочется. И на солёное не тянет.

— Может, зайдём в аптеку? Перебдим.

Не-не, такого быть не может. Не может! Как теперь учить и думать о чём-то другом, если в голове уже младенцы и реклама подгузников? А у меня в копилке целых восемь тысяч.

— Мне надо прогуляться... — Хватаю с вешалки плащ и выхожу в коридор. Слышу смех Женьки.

— Янчик, привет! Подожди! — Он оставляет весёлую компанию и бежит ко мне. — Ян, что у нас происходит? Ты теперь как Летучий Голландец: по вечерам дверь в вашу комнату закрыта, а на парах ты как сонная муха. У тебя кто-то есть?

— Жень, ну не придумывай. Никого у меня нет, — отвечаю я.

Может, сейчас самое время всё рассказать? А вдруг Танька права?.. Ой, нет!

— Подожди, я куртку возьму. Думаю, нам надо поговорить.

Бежать? Замереть? Умереть? Что делать? На глаза наворачиваются слёзы. Почему я так стесняюсь того, что происходит в моей жизни?

— Яна, — Алышев обнимает меня. — Пойдём.

Выходим из общаги. Моросит дождь.

Женька останавливается и поворачивает меня к себе.

— Что происходит? По общаге ходят слухи, что вы с Танькой устроились на работу. Что это за ночная работа, о которой ты стесняешься рассказывать?

Отлично. В нашем маленьком мире всё так быстро распространяется.

— Да, работаем...

— Не хочешь рассказать? — Он вцепляется мне в плечи. Кажется, сейчас начнёт трясти. — Яна! Ты на парах дремлешь, сильно похудела. Ты и так худенькая, скоро совсем прозрачной станешь. Замученная. У меня уже мысли разные появляются, да и говорят всякое. Не хочу собирать информацию и сплетни по кусочкам. Сама расскажи!

Женька закуривает и отворачивается. Вижу, что он нервничает. Почему мне стыдно сказать? Я ведь не делаю ничего постыдного, не ворую. Просто глупо хочется быть с ним наравне.

— Проституция? — Его слова звучат как выстрел. Прямо в голову и сердце.

— Что? Ты в своём уме? — От обиды меня начинает трясти. — Я что, похожа на женщину лёгкого поведения? Ты же сам знаешь, что у меня это впервые.

— Ну, мало ли... Что я должен думать?

Сажусь на мокрую лавку. Джинсы неприятно липнут к телу.

— Мы работаем в супермаркете, занимаемся выкладкой товаров. А ты...

Злость смешивается с обидой, а мысли о том, что могло бы случиться, превращают меня в гремучую смесь.

— Как ты мог такое подумать? Ты же знаешь, что я честная!

Женька молча прижимает меня к себе.

— Знаешь, чем люди отличаются от животных? Они думают, а ещё умеют разговаривать и договариваться. Я не телепат, мысли читать не умею. Давай договоримся: будем решать вопросы словами.

Выдыхаю. В горле стоит ком. Может, при любом раскладе всё будет хорошо?

Возвращаюсь в общагу мокрая и замёрзшая.

— Ян, прости за самодеятельность, — говорит Танька. Она открывает ящик моей тумбочки, и я замечаю тест на беременность. — Сделай утром.

В шесть утра открываю глаза. То ли я выпалась, то ли Женькино отношение сняло с души какой-то груз, то ли сказала общая усталость. Как только прилегла, сразу вырубилась.

Беру дурацкую коробочку и иду в туалет.

13

Прячу тонкую палочку в кулаке. Боюсь посмотреть, что на ней. Ладони потеют, а сердце стучит так громко — тук-тук, — что, кажется, его слышит вся общага.

— Ну? — Танька подходит ко мне и обнимает.

Не могу разжать руку. Я не готова увидеть ответ, каким бы он ни был. Подруга осторожно разжимает мой кулак.

— Охренеть...

Танька закрывает рот руками. По её реакции я уже понимаю: попала.

— Две полоски? — Глаза наполняются слезами.

Она кивает.

— Если срок небольшой, всё можно исправить. Ян, не паникуй. А может, ты скоро станешь Алышевой. Как тебе такой вариант?

Сажусь на пол и обнимаю колени. Вот и снесло моё «белое пальто» сильным ураганом. Я всегда думала, что так беременевают только дуры. Моё будущее, словно песок сквозь пальцы, осыпается в маленькую кучку.

— Ян, ну не молчи. Слушай, сейчас можно выпить таблетку — и всё, никаких проблем. Давай я позвоню в клинику, хочешь?

Молчу. В голове перекаати-поле огненным шаром летает туда-сюда, туда-сюда. У меня будет ребёнок. Что я скажу маме? Я же обещала себе, что буду землю грызть, ползком ползти, но в нищете жить не буду! Так больно. Я предала себя. Яна, ну какая же ты овца! Не смогла сделать самого простого — защитить себя. Так тебе и надо!

Бью себя по рукам, ногам, голове.

— Ну перестань так убиваться. Ян, ну с кем не бывает? Думаю, таких, как ты, в статистике — почти все женщины. Успокаивайся. Платная клиника, десять тысяч рублей — всё сделают в день приёма. Никаких записей в медицинской карте. Сделаешь вид, что ничего не было, просто цикл сбился. А вообще, пусть Алышев за свои промахи платит. Тебе корчиться от боли, а ему хоть бы хны. Пусть хотя бы за руку тебя держит и смотрит, что натворил.

— Нет, он пока ничего не должен знать. Я должна подумать.

— Яна, помни о сроках.

Киваю. Вчера мы так хорошо поговорили с Женькой. Мне кажется, мы и правда близкие люди и у нас может быть общее будущее.

Может, после Дня факультета сядем и спокойно всё обсудим. Я могу пока перевестись на заочное. Или маму подтяну, а ещё лучше — папу. А может, и Женькины родители не будут против.

— Яна, рано сходить с ума. Давай ходим на приём, а решишь потом. Узнаешь точный срок. Я вообще слышала, что при проблемах с почками тоже может быть положительный тест. Не паникуй раньше времени.

— С почками у меня всё нормально. С головой проблемы...

Ложусь на кровать и закрываю глаза. Я же должна радоваться, что у меня будет ребёнок от любимого человека. А у меня внутри пустота. Просто пустота. Сердцебиение эхом отдаётся в грудной клетке.

— Так, что делаем дальше? Идём в больницу или к будущему папаше? — Танька загибает пальцы, будто считает. — Или ищем другие варианты? Например, ты упанешься на двадцати работах, но из гордости и дурости будешь молчать? Или, не дай бог, прибегнешь к бабкиным способам? Янка, глаза у тебя какие-то дурные. Я сейчас Алышева позову, пусть за тобой присматривает.

— Не надо. Пойдём к врачу. Завтра. Сейчас надо учить.

Однажды учительница сказала мне, что люди от стресса уходят в запой или делают что-нибудь ещё хуже. У меня другая реакция: я ухожу в учёбу, читаю текст по кругу, ничего не понимаю, зато мозг расслабляется. Вот и сейчас: смотрю в книгу, а ничего не вижу.

Первые пары пропускаем. Идём с Танькой в местный медицинский центр. Я-то думала, что мне сразу после оплаты дадут таблетки — и я свободна. А не тут-то было.

— Беременность подтверждаю, — говорит пожилая врач после осмотра. — Теперь сходите на УЗИ, а потом возвращайтесь ко мне с результатами.

— Какое УЗИ? Я не хочу ничего видеть, не смогу. Можно без него? — Беру её за руку. — Поймите меня...

— Милая, я всё понимаю, — она накрывает мою руку тёплой ладонью. — Только через УЗИ. Или ищите другую клинику, но, если всё официально, протокол у нас единый.

Сажусь в очередь. Передо мной — странная девушка. Ведёт себя вызывающе, кажется, она не совсем трезвая.

— У вас слишком большой срок! Только в стационар, здесь вам не помогут, — девушка-администратор пытается её успокоить. Потом обращается к мужчине рядом. Из разговора понимаю, что это её отец.

— Да пусть бы и родила, но свою голову не пришьёшь... — Мужчина выглядит жалким. Ему стыдно за происходящее.

— Яна, ваша очередь, проходите, — администратор переключается на меня.

Ложусь на кушетку и запрещаю себе смотреть на экран.

— Беременность развивается нормально. Срок — пять-шесть недель. Вот, видите эту фасолину?

Врач выводит изображение на экран. Толком ничего не понятно: только пятнышко, которое, по её словам, и есть мой ребёнок.

Медсестра распечатывает результаты и даёт мне снимок.

— Возвращайтесь к врачу.

Сажусь в коридоре. Я не могу. Не могу!

— Ян... Я буду с тобой до конца, что бы ты ни выбрала, — Танька крепко обнимает меня. Глаза у неё полны слёз.

— Богатырёва, заходите. — Врач выглядывает из кабинета и обращается к девушке на ресепшне: — Елена, таблетки принесите.

Во рту горечь, слёзы текут ручьём. Выдыхаю, делаю шаг и закрываю за собой дверь кабинета.

14

— Ой, какой хороший малыш, — врач изучает результаты УЗИ. — Может, ещё подумаете? Срок пока небольшой, у вас есть две-три недели на раздумья.

Врач не поднимает на меня глаз: сначала что-то пишет, потом снова смотрит на УЗИ, сверяется с данными на экране компьютера. Наконец поворачивается ко мне и выглядывает из-под очков.

— Я уже приняла решение. Спасибо.

Врач вздыхает и принимается распаковывать таблетки.

— Нет, вы меня не поняли, — говорю я, вставая и направляясь к двери. — Я оставляю ребёнка. Я передумала.

Слёзы льются градом — скорее, от неожиданного даже для меня решения.

— А вот это правильно. Всё будет хорошо. Администратор сейчас всё вам распечатает. С этими бумагами можете встать на учёт у нас или в государственной консультации.

Благодарю врача и выхожу из кабинета. Танька сидит у двери, кончик носа красный. Она тоже всхлипывает.

— Ну что, весь ужас уже закончился? — Подруга крепко обнимает меня и что-то невнятно шепчет на ухо. — Ян...

— Весь ужас только начинается, — отстраняюсь от неё. — Я оставила ребёнка. Справлюсь — с ним или без него. Я не смогла... Врач сказала, что у меня очень хороший малыш. Какое право я имею...

— Ой, Янка... — Танька начинает рыдать. — Я так рада! А то уже прокляла себя за то, что подтолкнула тебя к такому страшному шагу. Ну что, не заработаем мы вместе на тарелку супа? Обещай, что не обижаешься на меня. И я буду крёстной, ладно?

Самое сложное впереди, и дело не в том, чтобы родить и вырастить ребёнка. Надо сказать Женьке, потом маме, потом его родителям. А затем уже что-то решать с учёбой и работой. Я не намерена сидеть у мужа на шее, но сейчас поддержка со всех сторон мне не помешает.

Впервые за несколько недель я спокойно уснула. Легла пораньше: сил что-либо делать не осталось, я вымоталась эмоционально. Отбросила все мысли, не стала зубрить и учить — зачем мне это теперь, когда пелёнки и распашонки стали ближайшим будущим? Решила рассказать Женьке послезавтра, на Дне факультета. На празднике на мне будет самое красивое платье. Конституция я или кто! Танька поможет сделать причёску: косой пробор, лёгкие завитки у лица и идеально прямые волосы по всей длине.

После визита к врачу в копилке осталось шесть тысяч. Можно, конечно, отложить их на будущее. А можно потратить сейчас и купить красивое платье. Если будут выбирать короля и королеву праздника, самой красивой буду я. Мы с Женькой.

Прогуливаю физкультуру и социологию. Еду в торговый центр. Сначала захожу в детский магазин.

Ого, это такие цены? Как эти крошечные ползунки могут стоить целое состояние? На рынке я за эти деньги могу купить целые спортивные, а на меня ткани нужно в пять раз больше. Беру фиолетовый костюмчик: вроде подойдёт и девочке, и мальчику.

Иду в следующий магазин. Платье выбираю в отделе скидок. Хорошо, что самые маленькие размеры не пользуются большим спросом. Голубое, длиной до середины икры. С каблукками будет очень красиво.

«Янка, а ты где? Не видел тебя на физре. Всё нормально?»

Женька вспомнил обо мне. Внизу живота разливается тепло, и я уверена: всё будет хорошо. Точно-точно.

«Готовлю для тебя сюрприз. Встретимся завтра на празднике».

Включаю кокетку. Даже ладони потеют: оказывается, хранить тайну, пусть и свою, так непросто.

Не хочу сегодня встречаться с Алышевым. Тяжело сидеть рядом и скрывать такую новость. Как он отреагирует? Обрадуется, закружит меня на руках, а потом всю беременность будет носить на руках. Будем учиться по очереди. Будет сложно, но мы справимся. Не хочу, чтобы было легко. Хочу, чтобы наш характер закалился и чтобы мы всего добились сами.

А если он скажет, что его это не касается, то и пусть. У меня есть я, и мы не пропадём. Нет, даже думать об этом не хочу.

Всё будет хорошо. Точно-точно.

— Янка, я думала, ты в комнате. А ты где? С тобой точно всё нормально? — Подруга звонит и говорит загадками, будто заговорщица.

— Тань, не придумывай. Не хочу завтра идти на вечер в самопале, вот и пошла потратить последние деньги. Платье купила. Ты что, из-под парты звонишь?

— Я уже перетрухнула: думаю, вдруг ты решила вернуться. Да, англичанка вышла на три минуты, я сразу тебе набрала — узнать, как дела.

— Всё хорошо, скоро буду.

Возвращаюсь в общагу. На столе лежат пара яблок, апельсин и гранат.

— Ого, — искренне удивляюсь я. Фрукты у нас бывают нечасто: обычно едим то, что привозим из дома, пока не закончатся запасы.

— Тебе теперь витамины нужны. Пока Алышев о тебе не заботится, это буду делать я.

15

— На праздник иду в обычной одежде, платье беру с собой.

— Ян, ну зачем ты его в пакете тащишь? Надела бы сразу. Алышев уже при параде, Верка на ходулях тоже пошкандыбала в сторону перехода. Так что не надо этого тряпья — иди сразу королевой.

Может, Танюха и права. Переодеваюсь. Красота! В туфлях сразу сводит стопу, но сегодня я всё выдержу, чтобы быть лучшей.

Рассаживаемся в самой большой аудитории. Пять рядов амфитеатром, впереди — большой подиум.

Сначала официальная часть. Слушаю декана и каких-то приглашённых гостей. Чувствую тычок в спину.

— Тебе, — кудрявый парень передаёт мне сложенный листок.

Забираю записку, разворачиваю: корявое алое сердечко и слово «Красотка». Оборачиваюсь, ищу глазами Женьку. Алышев — в белой рубашке, две верхние пуговицы расстёгнуты. Чуб приподнят. Он подмигивает и высовывает кончик языка, касаясь им уголка губ.

Улыбаюсь в ответ. Интересно, Женья, ты и после новости будешь так улыбаться?

«У меня к тебе разговор. Не исчезай после официальной части».

Отправляю Алышеву СМС и жестом показываю, чтобы он посмотрел на телефон.

Сзади дёргают за волосы. Ну это уже ни в какие ворота! Собираюсь дать по башке кудрявому парню. Оборачиваюсь — Верка тычет мне в лицо огромным накрашенным ногтем.

— Ты со своим Алышевым меня замучила. Сегодня он мой партнёр, мы с ним выступаем. Не подходи, крыса!

Показываю ей средний палец. Овца, будет она мне ещё указывать, как общаться с отцом моего ребёнка. Тупица. Интересно, за какие заслуги её перевели на дневное? Она же как курица — двух слов связать не может. А ещё на моё место метит.

Официальная часть подходит к концу. Кто придумал эти долгие выступления? Слушать их невозможно — вся аудитория уткнулась в телефоны.

— Настало время показать творческий запал наших студентов! — объявляет конференсье-третьекурсник начало второй части.

Первыми выступает группа, которую возглавляет Женька. Теперь я понимаю, что чувствуют девушки, чьи парни — звёзды. Стоит Алышеву подняться на подиум, как раздаются выкрики и аплодисменты. В глазах первокурсниц — обожание. Хорошо хоть, никто не бросает в него лифчик. Видно, что он кайфует от такого внимания: втягивает щёки, отчего скулы становятся ещё выразительнее, а губы — полнее. Мужчина не должен быть таким красивым!

— Говорят, это главный ловелас нашего факультета. Слышала, у него даже список есть — топ-10 девушек, с которыми он провёл ночь, — шепчут рядом две первокурсницы. Малолетки во все глаза разглядывают Женьку.

— Я бы ему тоже дала, — без тени сомнения поддерживает разговор вторая.

Во рту становится гадко. Я прекрасно знаю, что Алышев — предмет обожания многих, но никогда не слышала, чтобы о нём так говорили.

— Слышала? — толкаю в бок Таньку.

— А ты не знала? Я поэтому до сих пор в шоке, что он на тебе остановился. А ещё больше — что с таким опытом он ничего о предохранении не слышал. Животное, которое пристраивается ко всему, что движется.

Ну и подруга называется! Я от неё поддержки жду, а она только гадости про Женьку говорит. Может, завидует? Или... тоже в него влюблена?

Смотрю на девчонок: все во все глаза таращатся на моего. Моего! Мужчину.

Пропускаю всё выступление — моё внимание приковано к другому. Внутри появляется лёгкое чувство превосходства: оно греет душу. Но в то же время тревожно — вдруг есть те, кто намного лучше меня?

— Ян, мы следующие. Пойдём, никто твоего Алышева не украдёт, — Танька возвращает меня на землю.

Выхожу на подиум, держу спину прямо, аккуратно переставляю ноги и стараюсь покачивать бёдрами. Всё как в кино. Хочу, чтобы Женька понял, какую цыпочку он урвал.

Алышев сходит с подиума, даёт мне «пять», будто передаёт эстафету.

Так, Яна, ты сейчас Конституция!

Произношу свою речь, разглядывая зрителей. Наше выступление мало кому интересно — аплодируют только преподаватели в первом ряду.

Женька что-то обсуждает с Веркой. Голосов не слышно, но их активная жестикуляция привлекает внимание. Коза поворачивается ко мне и показывает жест, которым мужчины изображают размер пойманной на рыбалке рыбы.

Сбиваюсь, теряю мысль. Танька как может помогает и произносит за меня стих. Вот что значит хорошая память!

— Янка, ты чего? Мозги ещё рано атрофировались. Говорят, беременность забирает разум только на последних месяцах. Так что давай возвращайся на землю.

— Верка-сучка всё сделала, чтобы я сбилась. Так вьётся возле моего мужика! Сегодня я прекращу её метания.

— Ян, ты с ней поосторожнее, ладно? Ты на неофициальную часть в таком виде пойдёшь?

— Да. Буду красивой до конца, хотя ноги уже просят пощады.

Выхожу в коридор. Какое-то странное предчувствие: вроде и настроение приподнятое, а всё равно кажется, что вот-вот что-то случится.

— Ты красотка, — откуда-то из-за спины появляется Женька. — Ты хотела поговорить? Я весь во внимании.

— Давай чуть позже. Здесь слишком много людей.

— Окей. Столы уже накрыты, диджей запустил пульт, — начинает двигаться в каком-то своём ритме. — Девчули мои, едем!

— Слушай, я без куртки. Могу сбежать в общагу, если вы меня подождёте, — говорю я, глядя на Женьку.

Он снимает пиджак и накидывает мне на плечи.

— Мы же на такси. Зачем тебе куртка? Моя любовь тебя не греет?

Он сказал «любовь»? Я всё правильно услышала?

Садимся в машину. До клуба всего две остановки. Богатенькие студенты каждый год арендуют его на День факультета.

Я в клубе впервые. Шумно, холодно и душно одновременно. Перед глазами — пыль и яркие пятна света.

— Мы здесь надолго? — стараюсь перекрыть музыку и говорю Женьке на ухо.

— До утра! Мы с тобой уйдём последними, — сначала обнимает, потом целует.

Он целует меня у всех на виду.

— Алый, — подходят к нам парни из нашей группы. — Сосаться будете в комнате. Пойдёмте выпьем.

Женька кивает в сторону столов и тихонько подталкивает меня в спину.

— Таньку подожду, и мы подойдём, — кричу ему на ухо, хотя не уверена, что он меня расслышал.

Рассматриваю танцпол, пока подруга стоит в очереди в уборную. Тоже мне приличный клуб — условия как у нас в деревенском ДК.

Танька выходит с новым макияжем: накрашенная, вся блестит.

— Ого! — восхищаюсь её смелостью.

— Ага, это у тебя личная жизнь устраивается. А мой олух всё ещё мечется. Буду сегодня замену ему искать. Не уйду домой одна. Вот! — Подруга стучит каблуком, и мы начинаем смеяться.

— Только не как в прошлом году.

На первом курсе Танька тоже как-то решила найти себе парня. Притащила домой какого-то убогого и попросила меня уйти, как только станет понятно, что у них что-то завязывается. А он съел нашу гречку и сбежал.

— Ты Женьку не видишь? — Не могу разглядеть в неоновых вспышках, кто где.

— Дай мужику свободы. Может, он в последний раз гуляет, а то семейный хомут уже навис над ним.

От этих слов настроение падает до нуля. Начинаю ковырять ногти — всегда так делаю, когда меня что-то бесит.

— Ну прости. Я ревную: он забирает у меня лучшую подругу, — Танька обнимает меня, и мне становится спокойнее. — Пойдём потанцуем. Никуда твой Алый не денется.

Двигаемся под одну песню, потом под другую. Смотрю по сторонам — главной звезды танцпола тоже не видно. Звоню Женьке, но он не берёт трубку. Меня накрывает отчаяние.

16

Хожу по кругу, заглядываю в лица парней в белых рубашках. Женьки нигде нет.

— Ян, ну он же не иголка в стогу сена, чтобы потеряться.

— Пацаны, вы Алого не видели? — подхожу к компании, которая увела его от меня около получаса назад. Парни уже хорошо подвыпили.

— А что ты к нему прицепилась? Или я тебе не нравлюсь? Все бабы: «Алый, да Алый». Одна пришла, теперь вторая. В очередь вставай. Ты тут не одна. Пока он с Веркой — жди. Или можешь нас развлечь, — рычит Пашка, а потом демонстративно засовывает в рот оливку.

Какой ужас алкоголь творит с людьми! На парах они вроде адекватные, а тут — просто испанский стыд.

— В какую очередь я должна встать? — бросаюсь на этого выродка.

— Для серьёзных разговоров — или как это у вас называется? Баб нормальных нет, одни шоболды, готовы ради него ноги раздвинуть. Ну и рассказывай, что ты не такая. Эх, Богатырёва, как ты это в себе совмещаешь? Серая мышь, заучка, шлюха — всё в одном флаконе.

Отвешиваю ему звонкую пощёчину. Я ещё натравлю на тебя Женьку — посмотрим, как ты запоёшь.

— Нормально: я ей правду, а она мне — по морде.

Продолжения фразы уже не слышу. Бегу изо всех сил, на каблуках.

— Поехали домой, — Танька дёргает меня за рукав Женькиного пиджака. — Богатырёва, ты меня слышишь?

Лицо у подруги красное, зрачки расширены. Ей будто не хватает воздуха.

— Я сказала: пошли, — хватается меня за плечо. — Яна!

— А как же Женька? Ты что-то узнала, увидела? Где он?

Танька поджимает губы. В её глазах растерянность.

— Я хочу всё увидеть своими глазами. Иначе не поверю. Вы все сговорились, вы все завидуете моему счастью! — Ком в горле, горячие слёзы текут по щекам. — Где он?

Она берёт меня за руку и рывком тянет куда-то вглубь танцпола. Может, танцует с Веркой? Тоже мне преступление.

— Он там, — показывает она на хлипкую дверь, выкрашенную белой краской. — Но тебе не надо всего этого видеть.

Подруга загораживает мне вход. Но если уж сказали «а», пора узнать и про «б».

Отталкиваю Таньку. Не так сильно, чтобы сдвинуть её с места, но этого достаточно, чтобы она поняла мой настрой.

Хватаюсь за ручку. Теперь дороги назад нет.

— Подумай...

Маленькая подсобка, вроде гримёрки. На стене горит один светильник, поэтому видно плохо. Но и этого света достаточно, чтобы всё понять.

Тахта. На ней лежит Женька, рубашка распахнута. На нём верхом сидит Верка...

Она поворачивается ко мне, улыбается, но улыбка больше похожа на оскал. А потом целует Женьку. Уже не моего... Женьку.

— Извращенцы, — бросает Танька и бросается за мной.

Бегу со всех ног. Сбрасываю пиджак Алышева. Не могу больше чувствовать на себе его запах.

— Эй, чокнутая! — Пашка машет рукой. — Может, теперь извинишься? Я тебе ни капли не соврал. Хочешь, утешу? И удовольствие получишь, и Алому отомстишь.

Меня тошнит от всей этой грязи. Если бы можно было провалиться сквозь землю, я бы сейчас так и сделала.

Выбегаю из клуба. На ступеньках поскальзываюсь и едва не падаю. Меня снова подхватывает Танька. Но сейчас даже её присутствие кажется лишним.

— Отстань от меня! — срываю туфли и бегу босиком.

Машины сигналият, водители что-то кричат из окон. Им странно видеть босую девушку в нарядном платье в конце октября.

Колет в бок, во рту пересохло, дышать невозможно — в лёгких всё горит. Холода совсем не чувствую. Наоборот, меня бросает в жар.

Останавливаюсь, сажусь на корточки. Тяжело дышу.

— Господи, ну где я так накосячила, что судьба меня так наказала? — кричу во весь голос.

— У вас всё нормально? — какая-то пожилая пара обращает на меня внимание. — Милицию или скорую вызвать?

— Ничего мне не надо.

Поднимаю голову и смотрю на свет фонаря. Снежинки кружат, как мелкие мошки. Снег в конце октября.

Сил нет. Еле добираюсь до общаги. По дороге кто-то снимает меня на телефон, но мне уже всё равно. Мою жизнь растоптали, моё сердце изрезали самыми острыми ножами.

— Богатырёва, что с тобой? А ну иди сюда! — Клавдия Семёновна, наша комендантша, выскакивает из своей будки. — Что случилось?

Она принюхивается, трогает меня за плечи, приподнимает юбку, чтобы проверить, целы ли колени.

— Ты цела? Что случилось? Тебя не изнасиловали?

Вообще, Клаву недолюбливает вся общага. Строгая, держит всех в ежовых рукавицах. А сейчас передо мной будто совсем другой человек. Она укрывает меня шалью.

— Меня внутренне убили. Клавдия Семёновна, разве можно предать человека, которого любишь? Разве можно вот так?

— Яна, ты из-за этого смазливый убиваешься? Из-за Алышева, что ли? Да на нём клейма негде ставить: под каждой юбкой побывал, подлец. Знаю, как больно. Знаю, милая. Бегом в комнату — чай и под одеяло.

Следом заходит Танька. Видимо, всю дорогу бежала за мной.

— Клавдия Семёновна, она не пьяная и не обкуренная. Честно, — чеканит подруга.

— Да вижу я, Смирницкая. Думаешь, я дура? Бегом греть подругу, а то воспаление лёгких заработает. Или менингит.

— Менингит — инфекционное заболевание, — решает поспорить Танька.

— Иди уже, медик-недоучка. Ещё будет мне рассказывать, откуда что берётся.

Танька берёт меня под руку, а у меня уже нет сил сопротивляться.

— Отменить бы к чертовой матери эти Дни факультета! Каждый год одно и то же. Мозги у них ещё не проклюнулись, а всё остальное уже выросло. Потом дети детей рожают. Это я не про тебя, — говорит Клавдия Семёновна и гладит меня по плечу. — До тебя тоже одна хорошая девочка была. Влюбилась, потом бросила учёбу — теперь с пелёнками сидит. И ещё пару лет назад такое было. Говорю же: каждый год одно и то же.

Закрываю лицо руками. «Дети детей рожают» — как верно и как больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.